

П И О Н Е Р Ы - Г Е Р О И

ВОЛОДЯ ЩЕРБАЦЕВИЧ

В. М О Р О З О В

ВОЛОДЯ ЩЕРБАЦЕВИЧ

Издательство „МАЛЫШ“ • Москва • 1981

Какая-то добрая сила отвела от Володиного дома все бомбы! Осколком поранило стены, но дом устоял.

Когда бомбёжка кончилась, на подступах к городу загрохотали орудия врага.

Наши воинские части отошли. Очень много ушло и семей. Вова Борсук, Володин дружок, покинул Минск с матерью и отцом. Деревянный домишко Борсуков на Садовой разнесло в щепки.

А через четыре дня после первой бомбёжки многие ребята уже бегали смотреть на немцев. Володя не пошёл. Лёг на диван, сжался в комок. Так и лежал, пока не примчался Яшка, Володин одноклассник:

— Наших красноармейцев гонят!

Володя выбежал из дому.

...По главной улице шли люди, мало чем похожие на военных. Гимнастёрки без ремней, на головах у многих вместо пилоток грязные, пропитанные кровью повязки.

Вдоль колонны скакал немецкий офицер. Поднял коня на дыбы — над головами пленных взметнулись копыта.

Отшвырнув конвоира, из колонны вышел красноармеец:

— Ты что же это, гад?

Боец успел ударить гитлеровца один лишь раз. Хлопнул выстрел. Красноармеец схватился за живот, чуть постоял, словно приноравливаясь, куда ему лучше упасть.

Рассыпалась дробь автоматов.

Какой-то человек в рабочей кепке схватил Володю за руку и потащил к грудам кирпича.

Колонна ушла под гору. На мостовой остался лежать убитый. Возле него Володя увидел несколько женщин и своего дядю — Петра Фёдоровича. Подбежал.

Володин дядя узнал человека, что выходил с его племянником из укрытия: Семён Лукич — металлист с того вагоноремонтного завода, где работал дядя Петя.

— Вот тут гражданки о похоронах толкуют. А товарищ... живой, — сказал Семён Лукич и посмотрел на Володю.

Перевернули бойца на спину.

Переглянулись.

— Мама моя в больнице работает. Она знает, как раненых лечить, — сказал Володя. — Чего вы раздумываете?

— Лети в больницу, Владимир. Объяснишь всё матери. Ключ от квартиры оставь мне, — велел Пётр Фёдорович.

За перегородкой лежит, мечется в жару тяжелораненый красноармеец. Мать, уходя утром в больницу, предупредила:

— Будь осторожен...

«Если солдаты свернут к дому? Запирать дверь не буду, чтобы не вызвать подозрения. Захотят пройти за перегородку — пусть. Там лежит Сергей Фёдорович, мамин брат. Он рабочий железнодорожного узла. У него имеются документы. А лежит он потому, что попал под бомбёжку, ранен в живот осколком. Вот на стуле его разорванная и окровавленная рубаха. Такие носят железнодорожники».

На лестнице шаги. Это Яшка. У него накопилось немало новостей.

Немцы развесили на улицах приказы. У кого есть радиоприёмники — сдать. Коммунистам и комсомольцам — зарегистрироваться. Какой-то парень кокнул ночью немецкого офицера кирпичом по башке. В развалинах медицинского...

Когда Володя слушал про разрушенный мединститут, то подумал о лекарстве. Мать сокрушалась — совсем его мало. А там оно должно быть, раз институт медицинский...

Яшка убежал. С кастрюлькой пришла Евгения Фёдоровна, Володина тётя. У него моментально созрел план: «Пусть раненый пообедает, а я тем временем...»

Тёте сказал: пойду, мол, встречу маму. Достал в коридоре из сундука портфель.

Людей на улицах было мало. Только немецкие офицеры прохаживались не спеша.

Володя шёл и успокаивал себя: «Эти скоро будут драпать из нашего города».

Мама с тётей Женей сидели возле стола, на котором стыл обед.
— Ты с ума сошёл, Владимир! Ничего не сказал. Тётю Женю обманул!

Володя поставил на стол портфель с медикаментами.

Ольга Фёдоровна перебирала коробки:

— Володя, ты сядь, поешь. Потом расскажешь.

— Рассказывать нечего, — Володя на цыпочках направился за перегородку.

— Не ходи туда! Не ходи. Спят... они.

И Володя понял, что командира Красной Армии, лечившегося у мамы, тоже спрятали здесь.

Командир сидит за столом и ковыряется в стареньком, расхлябанном приёмнике. Его принёс ночью Семён Лукич.

Володя знает: настоящее имя командира — Николай Ильич. По паспорту же он Савельев Григорий Иванович. Документ принадлежал умершему в маминой больнице минскому жителю.

Хотя на военном были штатские брюки и вышитая по вороту рубашка, своей выправкой и манерой говорить он напоминал Володе отца, кадрового командира, погибшего в финскую войну.

Он сразу же предупредил:

— За мной, орёл, ухаживать не надо! Я ходячий.

Время от времени командир ходил на кухню, смачивал там под краном марлевую тряпку и нёс её красноармейцу. Клал на горячий лоб. А боец бессознательно подвигал марлю к шершавым губам и жевал её.

— Пить...

Пить ему, раненному в живот, было нельзя. Ольга Фёдоровна предупредила: «Ни в коем случае! Вода для него — смерть».

Если бы заставить говорить приёмник! Пока что в нём тоненький писк, треск. Из-за этого почти не слышно шагов на лестнице...

Одним движением командир сгрёб со стола в наволочку детали и лампы.

В дверях — Ольга Фёдоровна. За ней — сутулый человек в летнем пальто. Небольшая, тронутая сединой борода. Близорукие глаза щурятся и выискивают место, куда можно поставить пузатый чемоданчик.

— Пожалуйста, сюда, Евгений Владимирович. — Мать приняла из рук гостя саквояж, помогла ему раздеться.

Евгений Владимирович достал пенсне, деловито протёр стёкла носовым платком.

Мать вынула из сумки два белых халата — один надела сама, в другой облачила гостя.

И тут-то Володя вспомнил: он несколько раз видел этого человека в больнице. Хирург!

Ольга Фёдоровна увела хирурга за перегородку. Там совещались о чём-то. Потом стало слышно — позвякивают металлические инстру-

менты. Раненый стонал. Володя видел, как мать вынесла таз с окровавленными повязками. В кухне она поставила кипятить воду. Проходя мимо командира, шепнула:

— Это — изумительный специалист, профессор.

Часа через полтора профессор вышел из-за перегородки:

— Этот будет жить!

Николай Ильич приспособил к приёмнику наушники. Слушал и пересказывал всё раненому красноармейцу.

После операции Терёхину, так назвал себя красноармеец, хотелось поскорее встать.

— Тошно мне, товарищ командир! Там, на фронте, наши хлопцы бьются! Надо идти!

Николай Ильич убеждал: пустая затея! Фронт откатился очень далеко. Догонит разве он, Терёхин, своих? По всем дорогам чужие войска.

— Э-эх! — вздыхал Терёхин. — Разве же нас учили отступать? У меня, товарищ командир, душа в крови.

Нередко Николай Ильич с Терёхиным просиживали всю ночь.

И всю ночь не спал Володя.

За перегородкой шёл тихий разговор...

Сегодня день рождения мамы. Первым пришёл поздравить именинницу её брат Пётр Фёдорович. Вскоре постучали дядя Иван с тётей Женей. Не успели сесть за стол — снова настойчивый стук.

Все насторожились!

В комнату шагнул Семён Лукич. Ему обрадовались: свой человек!

Ольга Фёдоровна взяла вазочку с вареньем, грустно улыбнулась:

— Сегодня мой день. Всё правильно... Если «они» поинтересуются, я покажу свой паспорт. Давно не собирались мы вот так, все вместе. Есть о чём потолковать...

Володя сидел на койке рядом с Терёхиным. Все слушали Ольгу Фёдоровну. Говорила она о том, что в здании политехнического института — госпиталь и в нём томятся наши, умирают от ран. Есть в госпитале надёжные санитарки и медсёстры.

— Помогут нам организовать побег, — закончила Ольга Фёдоровна.

Из-за стола поднялся Семён Лукич. Волнуясь, рассказал о каком-то смельчаке, который сколотил небольшой вооружённый отряд. Скры-

вается этот отряд где-то под Минском, в лесных чащобах. Два раза обстреляли на тракте вражескую мотопехоту.

— На мой взгляд, тех командиров из госпиталя можно переправить в лесной лагерь.

Поднялся и Пётр Фёдорович.

— Допускаю... С территории госпиталя пленных удастся вывести. А дальше? Очутились люди в городе... Да по одной их одежде всякий узнаёт беглецов. Выходит, выведем людей под вражеские автоматы!

— Знаете, какой в госпитале рацион? — сказал Иван. — Не умрёшь, но и не побежишь.

— Разрешите, товарищ командир? — с постели привстал Терёхин. — Дайте я пойду. Раненых выводить надо!

Командир откашлялся, одёрнул косоворотку:

— Освобождение военнопленных считаю для всех нас главной задачей!..

Было как на военном совете. Николай Ильич говорил о тщательной подготовке. Что значит «содействовать побегу»? У командиров должны быть документы, гражданская одежда. Да и подкормить их нужно.

Идёшь по родному городу и всё время настороже — отовсюду гитлеровцы.

Мама, Николай Ильич доверяют Володе многое. Он уже знает адреса людей, у которых прячутся такие же, как красноармеец Терёхин или Николай Ильич. Ходил Володя по городским окраинам и тихо стучался в окна домов. Стоило ему произнести несколько условных фраз, и сразу же кто-нибудь выносил узелок. В нём — одежда для раненых.

Вовка Борсук, одноклассник, тоже помогал. Ему с матерью так и не удалось уйти от немцев, вернулись в город к родственникам.

Володя догадывался, что у Семёна Лукича, унесшего исправленный радиоприёмник, печатают военные сводки. Дядя Ваня, шофёр, готовит специальный грузовик, а Надежда Фёдоровна добывает какие-то накладные! По ним с хлебозавода можно получить муку. Может, она уже и получена. Может, из неё испекли хлеб и тайком переправили в госпиталь, чтобы подкормить раненых?

Поздно ночью намечен побег военнопленных.

С узлом одежды Володя ждал их в условном месте, возле старого деревянного моста. С реки надвигался холодный туман. Всё вокруг сливалось в чёрные и серые пятна.

Время словно остановилось.

Но вот справа из-за кустов тихий голос позвал: «Сюда, товарищи!» Мелькнули пригнувшиеся к земле человеческие тени. Володя бросился из своего укрытия им навстречу.

— Заждался? — услышал он голос Петра Фёдоровича. — Давай, Владимир. Времени у нас в обрез.

Володя развязал узел, и раненые стали переодеваться. Военное обмундирование полетело в ночную реку. Всё! Пора уходить. Пётр Фёдорович исчезает первым. Раненых ведёт Володя.

Впервые Володя командует, да ещё взрослыми, военными людьми. Шепчет: «Ложись!» — и оба раненых припадают к земле.

Тот, что с палкой, проворнее. Второй, натываясь на что-нибудь, не выдерживает и стонет.

— Поднимайтесь! — мальчик произносит это одними губами.

До дома они добрались, когда забрезжило утро. Раненых накормили, уложили в постель.

Часа через два в коридоре хлопнула дверь. Затапали тяжёлые шаги. Потом... Володе показалось, пол пошатнулся. У порога стоял немец, обер-лейтенант.

Подойдя к столу, он взял лампу, поднял её повыше, чтобы лучше видеть. Теперь на обер-лейтенанта падал свет, можно было различить даже въевшуюся в его лицо металлическую пыль. Семён Лукич!

— Пора, товарищи! — коротко сказал он.

Через несколько минут в комнате уже не было ни Терёхина, ни командира, ни «обер-лейтенанта». Остались раненые, которых Володя привёл нынешней ночью: они ещё не могли перенести трудную дорогу в лес.

Ольга Фёдоровна с сыном стояли у окна. Они видели внизу, на мостовой, грузовик. В кузове было человек двенадцать. Возле самых бортов — вооружённые «немецкие солдаты». Один поднял вверх голову... Володя узнал Петра Фёдоровича.

«Обер-лейтенант» вывел из подъезда Николая Ильича с Терёхиным, велел садиться в машину.

Некоторое время дядя Петя и Семён Лукич о чём-то советовались. Потом «обер-лейтенант» сорвался с места, побежал в подъезд.

Володя выскочил на лестницу встретить Семёна Лукича. А он, ничего не говоря, прошёл в комнату. Мать, изумлённая, ждала его у порога. «Обер-лейтенант» о чём-то быстро говорил, мельком поглядывая на Володю. Вот и мать посмотрела. Так обычно глядят, когда провожают близкого человека. Мать сходила на кухню, принесла небольшой свёрток. Сняла с вешалки вельветовую куртку, подошла к Володе.

— Тебе, сынок, необходимо... с ними. — Она поцеловала сына, поправила шарф на шее.

...Город ещё спал. Но теперь, казалось, грузовик разбудит всех: он скрипел, лязгал, тарахтел.

При выезде из города грузовик затормозил, и Володя увидел впереди на дороге солдат с автоматами.

Со стороны деревянного строения приближался к машине гитлеровский офицер. Подошёл, взял протянутую из окошка кабины бумагу.

Сидящий в кабине «обер-лейтенант» запасся всеми нужными справками: людей везёт, мобилизованных на лесозаготовки.

Просмотрев документ, немец крикнул что-то солдатам, и они отошли в сторону.

Грузовик долго ехал вдоль речки. Остановился.

Семён Лукич объяснил задачу: все разбиваются на две группы и разными маршрутами пробираются в Логойский лесной массив. У первой за проводника будет Пётр Фёдорович. Вторую возглавит он, Семён Лукич.

— Ты пойдёшь с Фёдорычем, Владимир, — сказал Семён Лукич. — Дорогу запоминай. Пригодится.

В группу Петра Фёдоровича попали красноармеец Терёхин с Николаем Ильичём.

— Пошли!

...Тропа ныряет в лесную чащу. Здесь золотисто-зелёный сумрак.

Лес кончился, и в лицо подуло полевым жаром. Пыль хрустит на зубах. Будет ли когда конец этой дороге?..

Семеро обессилевших людей ступают на деревенскую улицу. Солнце уже садится, и его розовые лучи бьют прямо в лицо.

Подошли к хате, ничем не выделявшейся среди десятка других. Володьке врезался в память взлохмаченный старик-хозяин, вышедший к путникам. Пригласил всех к себе. Дед определённо поджидал гостей. После того как люди поели, передохнули, он прошамкал:

— Пойдёмте...

Пётр Фёдорович сказал племяннику:

— Теперь народ поведёт старик, а нам можно и назад. Запомни дедову хату.

Первыми подошли к Володе Николай Ильич и Терёхин. По очереди обняли его. Их глаза блестели на тёмных от пыли лицах. Володя смотрел в эти глаза, и ему хотелось сказать что-нибудь значительное. А из груди вырвался только вздох и обыкновенное «до свидания».

...Дорога к дому казалась гораздо длиннее. Володя спешил. Спешил, чтобы сказать матери: «Прошли наши. Прошли! На свободе они!»

В сентябре внезапно начались облавы, а в домах минчан скрывалось ещё много раненых, бежавших из плена.

Теперь отправляться в лесную деревню, к партизанам, Володе и раненым было намного опаснее. У лесных троп — фашистские засады, по сёлам рыщут полицаи, а на выходах из города — усиленные заставы. Однажды Володя нарвался на засаду, осколок гранаты задел плечо. Но что значит эта царапина по сравнению с теми мучениями, которые переносит раненый Игнатюк. Всё тело его — сплошная рана.

Лейтенанта, Рудзянко его фамилия, уже несколько дней назад забрала к себе тётя Женя.

В один из вечеров к Ольге Фёдоровне пришёл Пётр Фёдорович, торопливо сказал:

— Взяли Семёна Лукича! Лётчика я должен сегодня от вас переправить, а лейтенант пойдёт в лес. Медлить нельзя. Раз уж арестовали одного из нашей группы — значит, фашисты напали на след.

Пётр Фёдорович подошёл к Володе, положил ему руку на плечо:

— Лейтенанта поведёшь ты, Владимир. Возьми! — и отдал племяннику свой пистолет.

На улице темень, ветер, холодный дождь. Реку в центре города переходили по тому мосту, под которым Володька поджидал когда-то бежавших из плена.

Володя старался идти рядом с лейтенантом, но тот сильно припадал на одну ногу, отставал.

Как только булыжник кончился, идти стало совсем трудно: ноги разъезжались на скользкой траве.

— Товарищ лейтенант! — позвал Володя далеко отставшего попутчика. — Сейчас хорошая дорога пойдёт.

Ждал: должен был уже появиться твёрдый проезжий большак у лесной опушки.

Рудзянко ковылял уже в двух метрах и неожиданно сделался белым, словно обсыпанным мукой. Попал в яркий свет направленного на него фонаря.

Рядом с ним — солдат в пилотке. Хлопает раненого по бокам, шарит в его карманах.

Володька выхватил из-за пазухи пистолет.

— Ложись! — крикнул лейтенанту и одновременно выстрелил несколько раз в сторону света.

Упал, прижимаясь к мокрой траве.

Рядом разорвалась граната, ударило чем-то тупым в бок. Но Володька мог ползти. Пистолет был в руке. Пополз к укrywшемуся в чаще безоружному лейтенанту.

— К дороге будем пробиваться, — сказал Володя, — пока не начало светать...

— Не могу... к дороге, — едва слышно проговорил Рудзянко. — Не могу я, рана... не даёт.

«Как же теперь? Ползком? До деревни, где живёт дед-проводник, можно добраться дня за три. Однако днём не поползёшь: остановят».

Володя впервые почувствовал, как жжёт в боку. «Значит, ранен». Потрогал рану, она была горячая на ощупь, даже сквозь куртку.

«Раненого лейтенанта может, пожалуй, спрятать у себя Вовка Борсук, — подумал Володя. — И живёт он на окраине. Если долго не раздумывать, хватит этой ночи, чтобы возвратиться в город».

Шли через ржаное поле. Да и просто просёлком, прикрываясь туманом.

Немцы полосовали фонарями тёмные окраинные улочки. В такие минуты важно было не растеряться. Володька тащил лейтенанта в укромное место — Рудзянко совсем обессилел.

Самые трудные — последние шаги. Их было сделано немало, пока Володька не постучал в калитку. Скрипнула дверь.

— Ты, Вовка?

— Гена! За углом раненый, — проговорил с трудом Володька, и тут силы оставили его.

В доме на Коммунистической теперь только один раненый — Володя. Он боялся, что мама будет ругать его, как ругала раньше за синяки или шишки, добытые в мальчишеских играх-сражениях. Нет, не ругала. Ольгу Фёдоровну успокоило то, что рана у сына была всё же не страшная. Опять повезло.

— Я заштопаю тебе куртку, сынок, — сказала Ольга Фёдоровна, возвратившись как-то от дяди Пети.

Мать села, положила на колени вельветовую куртку, разорванную осколком гранаты, и тихо сказала:

— Будем, сынок, пробираться вместе. К фронту.

...Шли полевой тропой — Володя с мамой и лейтенант Рудзянко. Нога у лейтенанта ещё не зажила, однако, ступал он твёрдо.

Володе хотелось: пусть бы рядом был и тот человек, что возглавил переднюю группу. Мать сказала — майор.

Майора и ещё двоих, идущих с ним, можно было видеть только издалека. У них — маршрутная карта.

Хотелось пройти побольше за день, да путался в ногах вереск — высокая и жёсткая трава.

Под вечер выбрались, наконец, к дороге.

— Из какой деревни будешь, отец? — поинтересовался лейтенант у крестьянина.

— Здешние мы, — донеслось сверху.

Далеко впереди разразились автоматные выстрелы.

— Прячьтесь! — крикнул крестьянин и стеганул вожжами лошадь.

Лейтенант первым сиганул в березняк у обочины. Володя упал прямо на дорогу. Дышал в пыль. Приподнял голову. Мама стоит на середине дороги, смотрит в ту сторону, куда умчался воз с сеном. Володя подбежал к маме, и она тотчас же оттащила его в придорожный кустарник.

Лейтенант затаился. Его не было слышно.

Стемнело.

Володя с матерью до боли в глазах всматривались в серую гряду деревенских хат.

На дороге заскрипели колёса. Из темноты выплыли силуэты лошади и человека, сидящего на пустой телеге.

Телега остановилась:

— Эй! Есть тут кто? — голос был знакомый: звал мужик, вёзший

недавно сено. — Чуете вы, люди? В селе немцы! Ваших троих они ухлопали... Уходите!

Уже стояла ночь. Мама показала Володе на сосну у обочины. Он должен находиться напротив неё, в кустарнике.

— Мы скоро вернёмся...

Ольга Фёдоровна не сомневалась, что найдёт хоть кого-нибудь из командиров.

Она долго не возвращалась.

Среди ночи Володя встал, отыскивал глазами дерево. До сосны оставалось несколько шагов, когда темноту разорвали вспышки выстрелов.

— Ни с места! — рявкнул кто-то простуженным голосом.

К нему приближались полицаи, щёлкая винтовочными затворами...

...Допросы и пытки, пытки и допросы. Болит всё тело, знобит, нет сил подняться с холодного каменного пола.

— За что это они тебя так? Чего ты таишь от них? — настойчиво допытывался старик, который сидит в камере вместе с Володиёй.

Володя молчит. Он понимает, что на следующем допросе будет ещё труднее. Потеряв сознание, можно и проговориться.

«У нас разбомбило дом. Я жил на Садовой, — повторяет про себя Володя. — Я пробирался домой. Меня остановили...»

— Ты шёл не один. С тобой были командиры Красной Армии. Они бежали из плена, и ты, Владимир Щербацевич, должен был переправить их, — говорит гестаповский офицер. Он стоит на фоне широкого светлого окна. — Рассказывай!

— О чём?

— О подполье.

— Я не знаю, что это такое.

— Хорошо, мы объясним. Подполье — твой дом на Коммунистической улице. Там скрывались советские военнопленные. Их прятали вы с матерью...

Володя чувствовал, как слабеют ноги. Кто же это всё рассказал?

Голова гестаповца вяло покачивается, потом разбухает, увеличивается. И вот уже не голова, а что-то непонятное, огромное движется Володе навстречу.

— Будешь говорить?..

...По голове за воротник рубахи стекает ледяная вода, и резко пахнет нашатырным спиртом.

— Мы из тебя вытянем!

«Значит, молчал, — мелькнуло в сознании Володи. — Молчал!» — Стало сразу легче дышать.

Дверь в стене бесшумно раздвигается, и в кабинет входит офицер. Следователь отдаёт ему короткое распоряжение.

Через несколько минут в комнату вводят Ольгу Фёдоровну.

— Узнаёшь? — голос следователя доносится откуда-то издалека. — Подойди к своей матери. Ты что, оглох?

Володе очень трудно смотреть маме в глаза и говорить, что не знает её, не встречал. Но он говорит и угадывает по маминому лицу, что поступает правильно. Теперь гестаповец обращается к Ольге Фёдоровне, и Володя слышит тихий мамин голос:

— Мне... незнаком этот мальчик.

Ввели какого-то человека. «Рудзянко?!»

— Вы являетесь командиром Красной Армии? — спрашивает его гестаповец.

— Да, — отвечает заключённый.

Володя вздрогнул. Он слышит, как лейтенант называет имена тех, кто недавно его лечил, пытался вывезти к фронту. Но это уже какой-то другой человек, незнакомый, неизвестный.

Если бы можно было вот сейчас же наброситься на него! Но надо сдерживать себя. Пусть предатель утверждает, что в кабинете следователя находятся сейчас мать и сын Щербацевичи, — «главные деятели подпольной группы». Володя же отвечает:

— Я на Коммунистической никого не знаю.

Ольга Фёдоровна говорит то же самое: не знакомы ей ни мальчик, ни лейтенант.

Из соседней комнаты вышли двое. Они взяли Володю под руки. Он не сопротивлялся, боясь, как бы вместо него не схватили маму. Но она сама стала просить солдат, чтобы оставили ребёнка, и, если надо, пусть возьмут её.

— Ты будешь стоять. И смотреть! — слышит в ответ Ольга Фёдоровна.

Слышит это и Володя. Его бросают на высокий топчан из жердей. Что-то очень тяжёлое обрушивается на поясницу...

Свет померк, и, конечно, Володя не мог слышать, как кричал гестаповец. Он порывисто влетел в кабинет следователя, чтобы сказать ему: «Вы недоучка! Не можете допросить ребёнка!»

Побелевший следователь почтительно вытянулся перед своим начальником.

Гестаповец протянул ему портсигар и уже примирительно посоветовал:

— Посадите в камеру к этому... нашего агента.

Следователь доложил, что такой агент уже сидит в камере.

Крестьянин дремлет в углу. По коридору протопал кто-то, разбудил бородача. Он некоторое время моргал, глядя на мальчишку. Проворно вскочил, поклонился:

— С выздоровлением тебя! Сейчас ужинать будем.

Направился к двери, забарабанил по ней кулаками. В коридоре раздались сердитые крики.

— Не ори, — спокойно проговорил дед. — Ты лучше еды тащи. Человек три дня ничего не ел. За все три подавай, скотина!

Тюремщики принесли котелок щей, хлеба...

К концу дня Володя уже мог сам подняться с койки и, держась за стену, пройти несколько шагов.

— Ты бы поспал, — посоветовал старик. — Ночь уж скоро. А там и утро. Копи силы, сынок. Пригодятся.

Дед знал: завтра вот этого мальчишку немцы поведут на казнь. В последний раз пройдёт он по городу, где родился и где вырос...

Пусть бы не приходило утро! Ничего радостного не предвещало оно и самому крестьянину. Следовательно ждёт от него сведений, которых не смог вытянуть из мальчишки за двадцать дней пыток! Старику обещана лошадь, новая хата, деньги. Пусть войдёт только в доверие к этому маленькому большевику. Пусть узнает нужные имена, адреса и то место, где расположена партизанская база.

Завтра старик разведёт перед гестаповцами руками...

Володя долго беспокойно метался во сне, бредил. К концу ночи спал хорошо.

А в коридоре уже топали солдаты...

26 октября 1941 года гитлеровцы повесили Володю и его маму.

К месту казни оккупанты согнали жителей, чтобы устроить их.

А из толпы неслось гневное: «Не простим!»

Ни одного дня не чувствовали фашисты себя хозяевами в Минске. Гремели взрывы, выстрелы — то бились с захватчиками герои-подпольщики.

Всё, что стало известно о юном патриоте Володе Щербацевиче, — результат долгого и настойчивого труда поисковой группы «Подвиг» из школы № 30 города Минска.

В поиске принимали участие пионеры Саша Азаров, Вова Глазун, Алла Коман и другие.

Поиск был начат со снимка Володи в момент казни, найденного ребятами у людей, очевидцев гибели отважного пионера.

Для младшего школьного возраста
Вячеслав Николаевич Морозов
ВОЛОДЯ ЩЕРБАЦЕВИЧ
Художник **В. Юдин**

Редактор О. Лебедев. Художественный редактор О. Ведерникова
Технический редактор Е. Соколова. Корректор Н. Пьянкова
Сдано в набор 30.03.78. Подписано в печать 18.07.80. 60×90 1/8. Бум. офс. №1 Гарнитура джил санс.
Печать офсет. Усл. печ. л. 3,0. Уч.-изд. л. 3,13. Тираж 150 000 экз. Изд. № 872. Заказ № 264. Цена 25 к.
По оригиналам издательства «Малыш», Москва, К-55, Бутырский вал, 68.
Московский комбинат игрушек Российского промышленного объединения по производству
игрушек «Роспромигрушка» Министерства легкой промышленности РСФСР
Москва, А-130, ул. Клары Цеткин, дом 28

© илл. Издательство «Малыш» 1981

М 70802—295
И 102 (03)—80 бет об'єквл

